

Два важнейших момента для понимания роли в распадных событиях академика Андрея Дмитриевича Сахарова: его высказывания о советских войсках в Афганистане с использованием информации, взятой из западных СМИ, а также знаменитая речь на Первом съезде народных депутатов СССР в июне 1989 года. С трибуны он уже говорил о надвигающейся катастрофе, представил свои весьма абстрактные рецепты во спасение. Под итог выступления потребовал отозвать советского посла из Китая в знак протеста против событий на площади Тяньаньмэнь. Студенты, организовавшие там протестное стояние, хотели ускорения реформ и чего-то похожего на горбачевскую перестройку. В результате Советский Союз обвалился по худшему из возможных сценариев, а Китай устоял от соблазна падения в пропасть. По прошествии времени можно уже делать какие-то выводы на этот счет.

Что это было? Особая форма помутнения и страстная вера в утопию, которой следовало достичь любой ценой? Или что-то еще?..

Солженицын воспринимался мессией. Достоянием родины, которое мы по своей глупости потеряли. Он сидел в далеком Вермонте – своеобразном мировом Эдеме – и слал оттуда свои статьи о том, как нам все обустроить. Он будто эхо «правды» и дореволюционной России, которая сплелась в его бороде. В книге Александра Зиновьева «Катастрожка» говорится о том, что его вполне бы могли назначить царем.

По крайней мере, подобные были настроения в обществе, уровень доверия к Солженицыну был высочайший и безусловный.

Сахаров был здесь, на нашей грешной земле. Привлекал к себе внимание и гнев. Он был пророком гонимым, так и воспринимался, особенно после захлопывания его речей, практически побивания камнями. Ум, честь и совесть эпохи, по поводу которого даже генсек перестройки снисходительно улыбался, не говоря уже о «прорабах».

«Этот дряхлый телом подвижник с лицом идиота властвовал над умами, приводил в восторг толпы, диктовал вождям, останавливал армии, готовил изъятие “красных мощей” из Кремлевской стены», – так описал его Александр Проханов в книге «Последний солдат империи».

Каждый второй скажет, что академик-вольнодумец был образцом безупречной личности, духовным авторитетом. Много возвышенных и хвалебных слов о нем можно услышать. Кумир поколения, герой перестройки. Сахаров стал символом веры. Что-то говорить против – практически святотатство, равносильное оправданию сталинских репрессий.

Все вспомнят заученное, что в конце 80-х он один выступил против агрессивного большинства и сказал с большой трибуны под гогот и хлопки этой человеческой массы слово «правды» о советском присутствии в Афганистане. Скажут, что благодаря мужеству этого человека были выведены оттуда войска и спасены многие жизни советских людей. Или не спасены... но это уже другой вопрос.

Все это заученное. Сахаров для многих непререкаемый авторитет. «Икона» новых реалий, которая замещала прежних поверженных и растоптанных героев и духовных лидеров.

Но если отстраниться от практически религиозной веры в его авторитетность, что в итоге? Например, Сахаров – «совесть нации» утверждал о расстрелах окруженных советских солдат в Афгане, чтобы те не сдались в плен. Образ заградотрядов, который до сих пор является непременным атрибутом разговоров о Великой Отечественной войне, перенес на современность всего-то. Говорил про войну на уничтожение целого народа, про афганских партизан, защищавших независимость своей родины. После подобное мы слышали уже в девяностые о чеченских борцах за независимость, потом для кого-то украинский майдан со всеми вытекающими из него «свободолюбцами» становились символами, противостоящими нашему тотальному угнетению и порабощению всего хорошего...

Его «правда», над которой смеялись и негодовали, приходила посредством сарафанной почты: где-то, откуда-то, из западной печати, а она, как известно, не врет. Авторитет этого информационного канала был незыблем, не то что у советских газет, которые не полагалось читать ни в какое время суток. Сахаров обманывался, заблуждался или стал заложником того образа мыслей и жизни, в который в одно время страстно окунулся, взыскав пророческого статуса, от которого недалеко и до юродства (у нас и сейчас «пророки» попадают в подобные ловушки и становятся их заложниками, взять хоть литератора Дмитрия Быкова)? Боролся долгие годы с чудовищами, но и сам же их порождал, так повелось от водородной бомбы. Потом принял деятельное участие в создании иной «бомбы», которая по кирпичику разнесла Союз.

Был он еще носителем культа гласности. Этому кумиру Сахаров долгие годы поклонялся. Потом этот культ положили в основу перестройки, и вся страна, соскочив с гонки вооружения, перешла в гонку гласности. Безудержную, беспощадную и любой ценой. В этом беге очень

скоро также возникло свое «водородное оружие», когда гласность попросту переставляла все с ног на голову, а черное объявляло белым. И это оправдывалось: чтобы разнести в пух все прежнее и порочное, чтобы не допустить возврата. Произошло смешение не языков, а моральных категорий во славу верховной морали. Отсюда те же афганские заявления Сахарова вполне соответствовали духу гласности, которая начинала уже откровенно пародировать реальность и заклинала духов постмодернизма – вывернутой наизнанку шубы.

Кстати, тот сюжет знаменитого выступления на съезде в 1989 году очень символичен. Пророк и толпа. Потом ее стали называть тупым или агрессивным большинством, быдлом. Смеющаяся, улюлюкающая, хлопающая, пытающаяся всеми силами перекрыть «голос совести», как рык приближающейся диктатуры. В том числе этот эпизод также подвел итог стране, после у нее не осталось никакого морального права. «Грех» этот можно было смыть только покаянием и распадом, самоликвидацией. С другой стороны, так возникал отечественный постмодерн: излом, выверт реальности, который заражал все вокруг. Возникал благими намерениями, преисполненный моральным правом и даже его диктатом.

Но тогда именно сахаровская правда была востребована, все остальное практически не воспринималось и выворачивалось наизнанку, представлялось злобной вылазкой темного прошлого.

Мстил ли Сахаров Афгану за ссылку в Горький? Едва ли. Скорее стал заложником моральной позиции, которая, как улыбка Джоконды, в какой-то момент стала людоедской. Моральная позиция перешла в разряд автоматических опций.

В какой-то мере Сахаров что патриарх Никон. И советская перестройка была попыткой избавления от отечественного двуперстия с выходом на вселенские перспективы, а для этого нужна вся пятерня, занесенная для рукопожатия (отсюда и новый раскол). Третьему не быть. Потому как за этой гранью – конец всему – ядерный апокалипсис, как неумолимая и грозная перспектива, формирующая новое мышление. Оно, как бункер спасения во время конца света, если кто не обзавелся им, то извините. С этим пятиперстием, идеализмом страна входила в большой мир, теперь уже надеясь если не возглавить его, то найти там свое достойное место. При этом, начиная с окраин и периферий, уже горели раскольничьи скиты. Многим было не по пути, но что поделаешь, ведь жертвы воспринимались вполне объяснимыми и во благо.

«Убежден, что только при условии возможно широкой гласности Запад сможет увидеть сущность нашего общества, и тогда эта деятельность становится частью общемирового движения за спасение всего человечества», – писал академик Сахаров в 1973 году.

Наше есть наше, а вот Запад – это уже не провинциальный, местечковый метроном, а мировой центр. Из-за отпадения от него мы и страдаем, будто изгнанники из рая. Поэтому многое делалось, чтобы соответствовать, чтобы заметили там, приметили и оценили наши старания. Приняли обратно блудных с покаянной...

Нужно было пророчески нести знание нового мышления, которое могло вполне стать равносильно религии, и кто его провозгласит, тот станет Римом. Пусть даже для этого надо было стать чуть или не чуть иным, отречься от себя прежнего, как будущий Сергей Радонежский от Варфоломея. Отбросить ризы и бэкграунд грозного СССР и стать приветливой и радушной Россией, стыдливой из-за своего прошлого

(иначе ворота измажут дегтем). Только преобразование это было равносильно полному сходу с дистанции.

Сахаров не занимался вопросами веры. Его религия – наука, и его грозный ветхозаветный Бог исходит из атомной реакции. Там и его личное грехопадение, связанное с водородной бомбой. Отсюда и деятельное личное, почти фанатичное стремление к избавлению от этого греха, вину за который он переносит на систему. Причем те только советскую, а глобальную систему мирового противостояния.

Свое перерождение он сам исчислял с 1957 года, когда «ощутил себя ответственным за радиоактивное заражение при ядерных испытаниях».

Основной тезис сахаровского светлого будущего в условиях нового мышления состоял в конвергенции социалистической и капиталистической систем. Все для того, чтобы уйти от тупика противостояния (в романе Александра Проханова «Последний солдат Империи» говорится про «миф о конвергенции, вульгарно упростивший идею всемирного, объединенного человечества»).

Эта теория приобретала большую популярность в послевоенные десятилетия. В перестроечном сборнике «Драма обновления» (1990 год) в статье «Социализм и призрак “конвергенции”» Ю.В. Шишков пишет, что развивали ее западные интеллектуалы, которым стало понятно, что «реальный социализм – не досадная ошибка истории, как представлялось им ранее, а достаточно жизнеспособный вариант общественного строя». Опять же война показала, что с «ним невозможно разделаться путем военного насилия». Отсюда и пошли попытки поиска «третьего пути» и создания гибридного общественного устройства. Была в этой теории и большая доля надежд на перерождение социализма в капитализм, через размывание различий и нивелирование достижений того же социализма. Автор статьи приходит к выводу, что обе системы могут считаться социализмом и капитализмом с большой натяжкой. Первая – «пока еще не социализм», а вторая – «уже не капитализм». Если так, то какая вообще разница? Если в стране только вывеска социалистическая, а реальная суть совсем иная? Почему бы тогда не пойти по капиталистическому пути, только не педалируя этой темой, ведь он «уже не капитализм»? постсоветская же реальность показала, что разница была, и она на самом деле принципиальная...

Об этой конвергенции академик Сахаров говорил и писал регулярно. Это сближение должно сопровождаться «демократизацией, демилитаризацией, социальным и научно-техническим прогрессом как единственной альтернативой человечества». Когда шли жесткие тенденции взаимного отторжения, он задавал совершенно противоположные тренды, в чем-то равносильные интернационалу прогрессивных людей, создающих новый и прекрасный мир, как панацею от глобальной катастрофы. Был он гражданином мира, которому претило разделение планеты на две противоборствующие системы. Быть может, он так открывал земли и становился первопроходцем, осваивающим новые просторы. Сложно сказать определенно, что им двигало в первую очередь. Но все-таки Сахаров оставался классическим советским человеком, даже в своем вольнодумстве и противоборстве. Разнося по миру свою благую весть, он в том числе занимался приращением пространств и умов для своей страны, которая должны быть улучшена, приближена к идеалу, но своя.

Советский строй еще в семидесятые годы он характеризовал как «государственный капитализм с партийно-государственной монополией». Отсюда становятся понятны его претензии к «мертвящей

официальной идеологии», которая ретуширует, скрывает это, возводит декорации вместо реальности. По сути, скрывает отход от первоначальных идеалов. Получается, что страна уже естественным образом движется к конвергенции с капитализмом, только этому встречному движению следует предать цивилизованные формы. Госкапитализм – это еще и предошущение будущего повального предательства элит контрреволюции сверху, которая произошла в конце восьмидесятых. Возможно, следовало прислушаться к предупреждениям академика в семидесятые, чтобы не было таких девяностых. Надо помнить, что в ту же перестройку был очень большой интерес к НЭПу, который постулировался в качестве утраченного шанса для страны как форма госкапитализма и той самой конвергенции.

Писал он и про расслоение общества, говорил о необходимости сглаживания этих противоречий. Например, через ликвидацию привилегий, на чем в конце 80-х делали свой политический капитал все, кому не лень, ну и, конечно, «олигарх» в этот деле – Борис Ельцин, бросившийся совершенно демагогически обличать привилегии партаппарата, с которым сам был неразрывно связан. Еще в 1971 году предлагал Сахаров публиковать должностные оклады, ликвидировать номенклатурные списки и прочее. Писал Андрей Дмитриевич и о «социальной справедливости», которую возводил в ранг основ «нравственного здоровья общества». В 70-е это были благие намерения, в конце 80-х они переросли в необычайно питательную почву, на которой делались многие «демократические» биографии.

При этом важно помнить, что в статье «О себе» академик пишет: «не являюсь чистым отрицателем нашего образа жизни, признавая много хорошего в наших людях и стране, горячо ее любя», отмечает вынужденный характер фокусировки на негативном, так как подобное умалчивается пропагандой. Возможно, он попал в ловушку, которая существует и сейчас в ситуации отсутствия патриотического гражданского общества. Поэтому либо сплошной одобрямс, либо скачки с саблями и криками: «Все прогнило, все крушить».

У выступающих за «все крушить» риторика апробирована и отработана многократно, принципиально ее и не меняют, просто ставят пластинку, пыль смахнут и заново крутят. Поэтому так и мобилизуются моментально, поэтому и прописали за собой это самое достоинство «гражданского общества». С другой же стороны, вроде как приходится на многое закрывать глаза, а если высказываешься и обличаешь, то сразу приписывают дрейф в иной лагерь, к желающим расшатать и раскатать по бревнышку дом. В этом большая опасность и ловушка. В этом и причина того, что диалога не получается: либо молчание, либо истерики, кликушество и крик. Так и сейчас в нашем обществе.

В голливудском фильме «Власть» про могущественного вице-президента США Дика Чейни показали упырей, если не дегенератов во власти, вообще без каких-либо моральных принципов, но готовых ради своей страны, ну и для себя, раскатать и обобратить весь мир. И пусть он провалится к чертям собачьим, лишь бы им на благословенной американской земле чай пить. Понятно, что картина – следствие внутриамериканской политической борьбы, но при этом глубоко патриотическая, когда показывают олимпийских богов, которые играют в свои вышние игры, строят козни, насилуют и убивают простых смертных. Им так положено и дозволено, потому как на холме и над любой моралью, а мораль – это они сами и их поступки.

У нас такое все-таки едва ли возможно. Без скреп, понимания, что такое хорошо и что плохо, без морально-этической составляющей и справедливости никуда. Мы все взыскуем земного рая и если герои, то не на олимпийских вышних холмах, а на грешной земле. Да и справедливость ищут не в свой загашник, а всему миру. Поэтому все и ретушируется, прилизывается и выстраиваются декорации, которые сами и грохаются, чуть только ветер объявится. При этом кто-нибудь подсмострит в замочную скважину и начнет голосить на весь мир: «Смотрите, как все прогнило!» Может, и не надо подобного, как во «Власти», но ведь там не пугаются довольно открытого и нелицеприятного диалога. Причем после него вовсе не расшатываются устои, а, наоборот, общество зажигается идеей избранности нации и человекобожеского статуса ее граждан. У нас же патриотический сегмент общества, как правило, профанируют, чтобы потом задвинуть в дальний чулан.

Это отступление к тому, что, скорее всего, академик Сахаров попался в эту самую ловушку: стучался, взывал, но его не слышали и лишь отмахивались. Но стук постепенно становится громче, неистовее, уже и сам он превратился в стук и грохот по этой непробиваемой до поры железобетонной номенклатурной стене...

Отсюда и проистекает «застой» – показатель болезни общества, его тупик. В это состояние страну погрузила бюрократия, которая в ««антиплюралистических» условиях» приобрела «самодовлеющий характер». Власть бюрократии Сахаров ведет с эпохи Сталина. Тогда это было общим местом. Все плохое в стране махом приписывали Сталину, а затем в порядке наследования брежневскому периоду.

По мнению академика, именно власть бюрократии была ответственна за «экономические уродства» и за «нравственную деградацию общества». Мало того, бюрократия «попирает социальную справедливость во всех сферах материальной жизни». В этом ее корысть. Затем разложение трансформируется в коррупцию: мафиозные группы, сращенные с партийным и государственным аппаратом (пример – знаменитое «узбекское дело»). Собственно, именно эта бюрократия, на которую Сахаров возлагал ответственность за многие пороки отечественного общества, позже и уничтожила саму страну.

«Симптом нравственной деградации общества» Андрей Дмитриевич видел в пьянстве и писал, что «для духовного оздоровления страны необходима ликвидация условий, толкающих людей на лицемерие и приспособленчество, создающих у них чувство бессилия, неудовлетворенности и разочарования». Приспособленчество, отсутствие внятных целей... Тот же девиз построения коммунизма уходит в сферу мифа, вертикальные карьерные лифты все более превращались в ширму и видимость. Возможно, это и есть тот самый пресловутый застой, сопровождаемый повальным пьянством. Насколько эта картина тотальна – вот вопрос...

Он многое предвидел и многое понимал, особенно до тех пор, пока его характер видения не приобрел довольно оголтелые формы. В 1974 году Сахаров писал о появлении Интернета, который он называл «всемирной информационной системой». Он подробно описывал ее структуру и делал вывод, что главной миссией ВИС станет то, что с ней «окончательно исчезнут все барьеры обмена информации между странами и людьми». Впрочем, тогда же он писал и о хозяйственном освоении Луны и астероидов, а также про «летающие города», которые бы выполняли «важные производственные функции». Что говорить, советские реалии настраивали человека на освоение пространств, и это был

очень перспективный вектор, который мы сейчас называем «советским космосом». Позже, уже в наши дни, глобальная коммуникация вполне заслонила для людей все космические перспективы и мечты об освоении. Тут «или-или»: или повязать всех безграничным общением, или вперед, дальше и вширь. Через Интернет мешанский мир победил, разве нет? Сидишь на диване, будто за пультом мироздания, и питаешься иллюзиями...

Распался Союз, и в хозяйственном освоении Луны необходимость отпала, по крайней мере, на многие десятилетия. По Сахарову сейчас мы бы там давно бы уже все хозяйственно осваивали и управляли движением астероидов.

Андрей Сахаров – классический советский утопист и идеалист. Сама эпоха перестройки, одним из символов которой он стал, явила всплеск утопических настроений. От генсека до простого рабочего – все жаждали все вокруг переделать и направить к лучшему. Мало того, у многих был свой рецепт-проект свершений и коренных преобразований. Самый простой – сбросить оковы прошлого. До основания, в ускоренном режиме, и понесется душа в рай...

Следует сказать, что Сахаров не бесплодный романчик-мечтатель, а продуктивный, направленный на будущее. Тот самый «красный человек». В чем-то наивный, где-то фанатичный и максималист, но плоть от плоти той системы, которая подстегивала мечты, а также страсть к справедливости. Сейчас такой тип едва ли возможен, стал бы ворчливой и склочной пародией на самого себя. Возможно, со временем и сам академик выродился во что-то подобное, кто знает...

Советским утопистам в духе горбачевского «нового мышления» уже было мало Союза и соцблока. Да им и всего мира мало, ведь этот утопист был с безудержной тягой к освоению новых горизонтов. Хотели они не сдачи и разрушения огромной страны, а освоения капиталистической стороны планеты, через конвергенцию социалистической и капиталистической систем. Это воспринималось вполне реальным, как и управление астероидами. Но, когда все стало осыпаться, они лишь наблюдали фаталистами за этими процессами, а то и подстегивали их. Не получилось, что подделаешь, неудачный эксперимент, поэтому скорей все стереть и начать с чистого листа. Скорей прибиться к капиталистическому свету...

Правда, этот же принцип конвергенции и сближения систем все сильнее критиковался с закатом страны, когда шла сдача позиций по всем фронтам. «Но что сближать? Как можно сблизить постиндустриальное демократическое общество, пусть и несовершенное, пусть и с элементами неизжитого капитализма прошлого, и антинародный режим, в самых разных странах установленный коммунистической бюрократией?» – так писал в своей книге «Хождение во власть» Анатолий Собчак. Тогда уже все советское было подвержено жесткому остракизму и объявлено бесконечно порочным, ущербным и нежизнеспособным.

Андрей Дмитриевич был не просто утопистом, но еще и прогрессистом, с искренней верой в прогресс, который меняет не только фон, обстоятельства, условия жизни, но и самого человека. Сахаров настаивал на «неизбежности прогресса», который он понимал в контексте очень близком к горбачевскому новому мышлению. Мало того, жизнь цивилизации академик ставит в зависимость от прогресса: «Прогресс неизбежен, его прекращение означало бы гибель цивилизации». Понятно, что прогресс тут понимается в контексте преодоления поляризации

мира и его демократизации. Неслучайно понятие «прогресса» вошло в триаду его нобелевской речи, которая гласит: «Мир, прогресс, права человека». Есть в этой формуле что-то от идиллического демократического коммунизма. Идиллия близка, так, может, для ее скорейшего достижения можно чем-то пожертвовать? Например, Советским Союзом, гибель которого станет фундаментом нового мышления и нового дивного мира?..

В то же время он писал, что «общество не нуждается во внешней политике как средстве внутренней политической стабилизации, или для расширения зоны влияния, или экспорта своих идей; обществу чужды мессианство, заблуждения о единственности и исключительных достоинствах своего пути и отрицание пути других, органически чужды догматизм, авантюризм и агрессивность». Опять же благие цели, утопизм, братство, проповедь невмешательства в дела других стран, а по факту... Этот внешнеполитический мессианизм – своеобразный вирус, который всегда сопровождает мировую политику. Если не претендуешь ты, то мессианский стиль политики будут демонстрировать другие, делая акцент на своей исключительности и приписывая себе роль мирового жандарма. Сейчас, через многие годы после уничтожения, Союза мы это отлично наблюдаем на международной арене, которая превратилась в территорию диктата, догматизма и спекуляций.

Обращает на себя внимание, что Андрей Дмитриевич совершенно не видел опасности в обсуждении вопросов о возможности самоопределения и даже выходе союзных республик из состава СССР. По его словам: «юридическая разработка проблемы и принятие закона о гарантиях права на отделение имели бы важное внутреннее и международное значение как подтверждение антиимперского и антишовинистического характера нашей политики». Массового характера тенденций на выход он не наблюдал и считал, что с «демократизацией в СССР» они навсегда ослабнут. Больше демократии! Видимо, в конце 80-х ее было недостаточно, и прожектор перестройки слабо светил, а иначе ничто бы и не распалось. Впрочем, Сахаров оговаривается, что даже если какая-то из республик и выйдет из Союза, то соцблок не покинет. Выйдет, погуляет, а потом, может быть, и вернется. Аргументации здесь неведомы, кроме исключительно благих надежд и пожеланий.

Главный его посыл и отправная точка – это перспективы «гибели цивилизации и всего человечества в огне большой термоядерной войны». Собственно, с этого и началось сахаровское перерождение в далеком 57-м. Тогда ему открылся ужас того, что человечество находится в «критическом периоде своей истории». Угроза мирового «распада» и привела его к той самой мысли о преодолении разделения мира на «антагонистические группы государств», к сближению капиталистической и социалистической систем, что должно сопровождаться «демилитаризацией, укреплением международного доверия, защитой человеческих прав, закона и свободы, глубоким социальным прогрессом и демократизацией, укреплением нравственного, духовного личного начала в человеке». Напуганные перспективами всеобщего уничтожения самые разные страны и люди полюбят друг друга – это же так просто...

Только вот загвоздка состоит в том, что основные проблемы виделись лишь в собственной стране, а тот же капмир, скорее, воспринимался за объект для подражания. Пусть не явно, но подсознательно он представлялся более передовым в отличие от тоталитарного советского. По мнению Сахарова, сближение должно происходить через

сотрудничество, основанного на доверии равноправных «открытых обществ», но вовсе не на основе «страха демократических стран перед их тоталитарными соседями». Кто есть кто – тут вполне понятно. Только академик не берет в расчет, что в «демократических странах» тоталитаризма и опасности для дела мира может быть не чуть не меньше, чем у их «жуткого соседа» (об этом, например, много писал философ Александр Зиновьев).

Собственно, логика традиционная и вполне понятна: обозримый мир во зле лежит, но чтобы не впасть в отчаяние должен быть образ идеала к которому следует стремиться. Вот и создается восприятие мира, где с одной стороны прожектор гласности полностью высвечивает здешние язвы и пороки, а с другой – розовые очки, которые идеализируют все то, что остается за пределами этого разящего света. Так и производился романтико-идеалистический уклон, который разнес страну ради нового светлого будущего. Все практически в рамках оппозиции религиозного мировоззрения: мир горний – мир дольний.

Вроде как за мир ответственны все, но Советский Союз больше всех. Его проблема в том, что показал альтернативу, без которой человечество станет более понятным и безопасным – однообразным, где все под капиталистическую гребенку. Распад Союза меньшее зло по сравнению с гибелью человечества? СССР принес себя в жертву ради будущего планеты?..

Академик исходит из мысли «о неразрывной связи сохранения мира с открытостью общества, с соблюдением прав человека». Получается, что общество закрытое, где эти права нарушаются, и есть главное препятствие на пути дела мира...

По Сахарову конвергенция систем должна произвести «экономику смешанного типа, соединяющую в себе максимум гибкости, свободы, социальных достижений и возможностей общемирового регулирования». В этом регулировании должна быть особая роль таких организаций, как ООН и ЮНЕСКО. К чему на самом деле привело «сближение систем», теперь мы отлично знаем, в том числе какая декоративная роль осталась закрепленной за ООН...

В своей нобелевской речи Сахаров говорил о себе как о приверженце «космологической гипотезы», по которой «космологическое развитие Вселенной повторяется в основных своих чертах бесконечное число раз». Своеобразная цивилизационная реинкарнация. В его понимании «удачливые» цивилизации «должны существовать бесконечное число раз на “предыдущих” и “последующих” к нашему миру листах Вселенной». Сахаровский максимализм заключается в «создании жизни, достойной нас самих» и, соответственно, в прополке цивилизаций, чтобы лузеры и маргинальные не перескочили на другие листы. Так может пойти порча, а листы будут заполнены цивилизационными кляксами.

Он заявлял о себе как о реформаторе, но не революционере. «Нужны реформы, а не революция», – говорил Андрей Сахаров в той же нобелевской речи. Призывал к защите прав человека, но «без требования сокрушения и тотального осуждения этих режимов».

В те годы вся страна верила, что бывшие противники по холодной войне ей хотят только добра: «в успехе преобразований в СССР заинтересован и Запад, весь мир. Экономически сильный, демократизированный и открытый Советский Союз явится важнейшим гарантом международной стабильности, хорошим и надежным партнером для других стран», – писал Сахаров в статье, датированной февралем 1987 года.

Тогда страна на всех парах входила в новые реалии и заклинала их, внушала себе радужные перспективы. Угрозой миру Советский Союз, сдавая все и идя на любые уступки, уже перестал быть, осталось зарекомендовать себя надежным и равным партнером. Вот только кому они были нужны равные и с какой стати себе внушили, что всем необходим был именно сильный Союз? В тех двухполярных реалиях возможно, но ведь реалии катастрофически быстро менялись и осыпались на глазах, а мы все верили, что всем нужны равными и сильными и даже мысли не допускали, что нас можно попросту вычеркнуть и оставить за скобками на мировой периферии. Странно было бы сейчас продолжать верить, что всему свету нужна единая и сильная Россия. Вот то-то и оно: никому она такая не нужна, кроме себя самой.

Андрей Дмитриевич признавал, что Запад сделал ставку на изматывание Советского Союза посредством гонки вооружений. При этом утверждал про отсутствие шансов, что она «может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится – весь исторический опыт свидетельствует об обратном». Но уже совсем скоро на каждом углу нам будут вещать об историческом опыте, который свидетельствовал о неминуемом развале, и что Союз был нежизнеспособным...

Не исключено, что Сахаров был и прав: едва ли гонка вооружений надорвала Советский Союз до его развала. Все-таки, как поняли позже, в этой гонке был импульс и к развитию, и не только. Началось другое: руководство СССР решило стать законодателем мировой моды на разоружение. Генсек Михаил Горбачёв в своем «катехизисе перестройки» – книге «Перестройка и новое мышление» заявлял, что пережитки старого мышления препятствовали налаживанию сотрудничества между странами. Главный же пережиток – восприятие войны как продолжения политики иными средствами. Рассуждал он и в духе классического утописта о том, что новое мышление должно привести к «ненасильственному миру». Все это в общих чертах было близко и Сахарову.

Перестройка воспринималась непримиримой войной нового со старым и преступным. Академик Сахаров подчеркивал, что «убежден в абсолютной исторической необходимости перестройки. Это как на войне. Победа необходима». Цель этой битвы – стряхнуть все ложное, искусственное, подменное – все это насквозь поразило страну и общество: «Народ проходил на протяжении десятилетий развращающую “антишколу”, приучавшую многих не работать, а только создавать видимость работы, приучавшую к лицемерию, лжи, эгоизму и приспособленчеству». Необходима своеобразная форма очищения и опять же покаяния. И одно из главных действенных лекарств здесь – правда: «говорить только правду и всю правду и всегда подтверждать слова делами».

На этой основе и создавалась идеология гласности, которая должна была создать в стране «новый нравственный климат». Гласность – отсутствие запретных тем и преследований за инакомыслие. Но рассуждать о том, что эта гласность понесет в том числе и гигантские потоки лжи, с которой гласностью и боролись, особенно не старались. Возможно, полагая, что есть благая ложь или ложь во спасение, ради важной цели...

Примат гласности переходил в постулат о необходимости открытого общества. Это понятие, по мнению Сахарова, включает в себя «контроль общественности за принятие ключевых решений (повторение ошибки вторжения в Афганистан должно быть невозможным), свободу

убеждений, свободу получения и распространения информации, свободу выбора страны проживания и места проживания внутри страны».

Он расшифровывает значимость «права на эмиграцию». Оно позволяет человеку «выбирать то социально-экономическое устройство, которое является для него наилучшим». Видел он в этом праве и «гарантию мира», будто эмигранты соединяли страны и убирали противоречия между ними.

Страна буквально впала в разоруженческий раж и грезилась тем, что достаточно стряхнуть с себя всё оружие – так сразу и ворота в мир благоденствия распахнутся через тотальную конверсию. Даешь кастрюли вместо атомных субмарин! Советский Союз был охвачен перестроечным мессианизмом. Перестройка будто бы спасала не только страну, но и весь мир.

«Наша перестройка спасает мир. Это безусловно», – писал в те годы писатель Алесь Адамович. Поэтому все договорные и разоруженческие инициативы, помимо конкретного прикладного значения, в первую очередь работали на сверхидею «к 2000 году избавить планету от войн». Это тоже цитата из Адамовича. Подобную цель он воспринимал вполне достижимой.

В реальности же этот наивный пацифизм уже тогда работал на установление однополярного мира, который погрузил планету в череду локальных конфликтов и войн. Мало того, в этом новом мироустройстве войну даже стали называть гуманитарными акциями. Помните про гуманитарные бомбардировки? Сейчас же та политика наивного утопизма и взгляд на мир через розовые очки общечеловечества привели к тому, что угрозы глобального конфликта не просто вернулись, но многократно возросли, а новое мышление куда-то испарилась без следа. Всё дело в том, что мир уже несколько десятилетий прожил без ощущения паритета. Россию принуждали к разоружению, стреножили её новыми обязательствами и старыми договорами, которые всё больше напоминали игру в одни ворота – ради архитектуры нового мироустройства. У нас и до сих пор многие испытывают комплексы по поводу наличия вооружений, будто бы стыдно это, дурной тон...

В те давние перестроечные годы все мечтали, верили несбыточному. Казалось, только сделай шаг, как попадешь в райские кущи мира без войн и без всего плохого. Поэтому тогда не очень прислушивались, например, к Александру Проханову, который в своей статье «Оборонное сознание и новое мышление» писал, что именно армия и военная техника спасут мир и человечество. Тот самый паритет. Но кто его и схожие голоса в те годы слушал, когда генсек общался напрямую с общечеловечеством, видные публицисты и писатели грезилась скорым наступлением эпохи без войн, а армию воспринимали тяжким наследием старого ветхого мира?..

Пацифизм и разоружение – общий настрой перестроечного времени. Вооружение – тяжкая ноша человечества, чем быстрее мы это скинем, хоть в одностороннем порядке, тем скорее в светлое будущее попадем. Та самая гонка вооружений сменилась гонкой разоружений. Хотя, как оказалось, побежал во всю прыть только СССР, остальные делали вид. Но Союз делал это столь самозабвенно и не оглядываясь, что времени и желания оценить ситуацию попросту не было. Важно было обзавестись тем самым новым мышлением, показать его всему миру и стать лидером. В чем-то это было похоже на космическую гонку, но, повторюсь, разница в том, что никто здесь не преследовал и не состязался.

Во многом это был одинокий забег, и нельзя сказать, что в Союзе от этого не получали определенное удовольствие и кайф. Все-таки новое мышление на кону. Вот и Андрей Дмитриевич повторял: «Нужно новое мышление человечества!» Все для того, чтобы «отойти от края пропасти всемирной катастрофы». Все это правильно вроде, но отошли ценой своей страны, принеся ее в жертву этому новому мышлению и тому же тезису о необходимости сближения капиталистической и социалистической систем.

В своем новом мышлении Сахаров в открытом письме американскому физику Сиднею Дреллу «Опасность термоядерной войны» (1983 год) дошел до утверждения, что после 1945 года началась «общемировая советская экспансия» и сейчас усиление СССР обрело «масштабы, опасно нарушающие международное равновесие». Что остается? Ослабить... Но почему только Союз нарушал это равновесие? Эх, да, Афганистан. Вторжение в эту страну академик назвал «поворотом в мировом равновесии», это была поворотная веха и в его восприятии Советского Союза. Как бы он, любопытно, назвал в этом контексте возвращение Крыма в состав России в 2014 году? Таким же опасным поворотом?..

В итоге произошло нечто схожее с тезисом о том, что «потенциальный агрессор... может рассчитывать на недостаток решимости подвергшейся нападению стороны пойти на это самоубийство, то есть может рассчитывать на капитуляцию жертвы ради спасения того, что можно спасти». Советский Союз всегда декларировал, что первым ядерное оружие применять не будет, то есть как раз и примерял себе роль этой жертвы агрессии, только лишь умножив ее жертвенность. Страна столько раз повторяла «миру – мир!», что ради этого была готова на любую жертву и ее принесла.

На самом деле, это был серьезный экзистенциальный выбор, и СССР, пройдя через Великую войну, сделал его. Подобный вопрос регулярно появляется и в наши дни. Говоря о нем, президент Владимир Путин произнес свою знаменитую тираду: «А мы как жертва агрессии, мы как мученики попадем в рай, а они просто сдохнут. Потому что они даже раскаться не успеют». Так он расшифровывал суть российской ядерной доктрины, что Россия будет применять ядерное оружие «только тогда, когда удостоверимся в том, что кто-то, потенциальный агрессор, наносит удар по России».

Выбор, на самом деле, сложный и требующий большой воли. Всем понятно, что Россия первой нажимать на кнопку не будет. Это аксиома. Ее ядерный арсенал необходим в качестве сдерживания и акта возмездия, после которого будет выключен свет.

Если сдерживать не получилось и ракеты уже летят, то весь смысл только в возмездии. Получается, что Россия из собственного эгоизма и мстительности может погрузить весь мир в ядерный кошмар. Она, видите ли, не готова смириться с локальным ядерным кошмаром только на своей территории. Поэтому любые милитаристские заявления страны тут же тракуются как размахивание ядерной дубиной и угроза человечеству.

В этой логической цепочке Россия может выглядеть безусловным злом, потенциальным убийцей человечества, у которой нет и высших целей в нажатии кнопки, кроме мстительности и эгоизма. То есть убийцей без какого-либо серьезного повода. Соответственно у Штатов для пуска всегда есть высшая цель. И это уже не насаждение демократии, которое удобно для решения локальных задач. Здесь целеполагание

метафизического характера: покарать зло. «Империю зла» – титул, унаследованный нами от СССР, который также находился в подобной ситуации, когда уничтожение мира выглядит абсурдным, так как не выполняет никаких задач, кроме возмездия.

Возможно, из-за этого экзистенциального выбора в свое время и спасовал Горбачев. Он не захотел быть, пусть хоть и потенциальным, но убийцей человечества. Поэтому и заявлял о новом мышлении в ядерную эпоху и об общечеловеческих ценностях. Если ты сдался, то у тебя не будет возможности стать убийцей мира. Горбачев попытался изменить ситуацию, но в реальности запустил процессы уничтожения страны, только другими средствами.

Русские не мстительны, им легко можно запудрить головы идеей жертвенности. Есть еще и большая толика фатализма: увидев ракеты над головой – смиришься с судьбой, а она за грехи дана... Не исключено, что в этом и расчет всей психологической атаки этого экзистенциального выбора. Тут, ведь на самом деле, необходима величайшая стойкость. Зачем нужна стойкость блокадного Ленинграда, если просто можно было сдать город? Зачем стирать земной шар, если можно стереть свою страну, пожертвовать ей ради высших задач спасения всего человечества? Такое вот искушения предлагаются, и им, на самом деле, очень легко уступить. Тем более что, как нас убеждали, все империи обречены, а Советский Союз изначально был нежизнеспособным образованием...

А что Штаты в этой ситуации? За ними право первого нажатия. Фатум? Гнев олимпийских богов?

Им не задают экзистенциальных вопросов, которые мрачат душу и леденят сердце. В их арсенале сверхзадач: насаждение демократии, а затем зачистка зла. Все видели, как разрушился Мордор во «Властелинах колец»: он весь без остатка провалился под землю, но этот провал совершенно не затронул других земель. Будто опухоль вырезали. Вот и Штаты в этой ситуации вроде как не представляют угрозы миру, а, наоборот, являются носителем блага и высоких мессианско-хирургических задач.

В своем выступлении на первом Съезде народных депутатов СССР в июне 1989 году Андрей Дмитриевич говорил уже не о вселенской катастрофе, а о советском государстве на ее краю: «В стране в условиях надвигающейся экономической катастрофы и трагического обострения межнациональных отношений происходят мощные и опасные процессы, одним из проявлений которых является всеобщий кризис доверия народа к руководству страны. Если мы будем плыть по течению, убаюкивая себя надеждой постепенных перемен к лучшему в далеком будущем, нарастающее напряжение может взорвать наше общество с самыми трагическими последствиями», – и далее заявлял об огромной исторической ответственности. Памятуя о стилистике того времени, можно прочесть в этом высказывании и расхожий призыв к ускорению перестройки. Призывал, ораторствовал, а параллельно с этим в Китае происходили события, которые, как стало понятно позже, не только сохранили страну от обвала, но и перевели на качественно новый виток развития. А Андрей Дмитриевич Сахаров завершал свое выступление требованием отзыва советского посла из Китая. Последовательный гуманист и поборник прав человека, ради которых пусть хоть весь мир провалится в тартарары, а советский и давно. Советский не жалко...

До обвала он не дожил. А если бы дожил, то, скорее, объяснил бы все словами и аргументами того же Александра Солженицына о нежизнеспособности системы и тому подобное. Можно сказать, что потонул

в водах обрушившегося цунамического потока обвала, попал в его водоворот и начал транслировать только инерцию потока, стягивающего в себя все вокруг. Был академик Сахаров разный, но, к сожалению, все сводилось, в конце концов, лишь к оружию разрушения. Особенно когда вера и надежда, вначале глухой стеной, а потом и Афганом, была подорвана. По большому счету это была история государственника, у которого пути с этим государством категорически разошлись. Они попросту перестали слышать и воспринимать друг друга.

Сахаров закрепился в качестве символа нового в противостоянии с «агрессивно-попкорным большинством» (очень популярный в те годы термин историка Юрия Афанасьева). Того нового, которое, на самом деле, было обычным утопизмом, продолжением веры хоть в Царствие Божие на земле, хоть в светлый образ мирового коммунизма. Формы и оболочки этого утопизма всегда менялись.

Ум, честь, совесть и атавизмы преступного прошлого, улюлюкающего, хлопающего, готового загубить и захлопать все что угодно. Таким Сахарова и запомнили, таким и чтят. Пророк и толпа. Он мог бы стать созидателем и на самом деле повести людей к звездам и хозяйственному освоению Луны, но так получилось, что в том числе и с его именем связана одна из величайших трагедий в истории человечества. Он стал той самой водородной бомбой для Союза. Одной из многих.

Его победой стала его смерть. Таков был общий вектор от водородной бомбы и до смерти большой страны. Знаковый характер его смерти, кстати, отмечает Анатолий Собчак в своей книге «Хождение во власть». Он писал, что «за Сахаровым пошли, когда его не стало». Собчак называет его «последним гражданским пророком», который «побеждает не борьбой, а собственной смертью. И за гробом пророка пошла вся Россия, шла вся страна». Его смерть на самом изломе большой страны воздвигла ему памятник и плотно закрепила образ мученика, страдальца, обретшего, благодаря своей настойчивости в борьбе, пророческий дар. Был ли Андрей Дмитриевич на самом деле пророком – большой вопрос, но его пророческий статус прочно закрепился в сознании многих.

Страна пошла за его гробом. Куда она зашла, мы в общих чертах знаем, как и о том, что уже в девяностые пришло на смену утопизму и мечтам...

Но может же быть не только романтико-утопической взгляд, но и прагматический. А что если в основе всех действий, поступков и высказываний – все та же извечная борьба за власть? Ведь тот же Сахаров принадлежал к элите советского общества, пусть и блудной, остывшей, но его привилегированность никто и никогда не оспаривал. И не он один, но очень многие знаменосцы новых реалий были этими самыми советскими элитариями.

«И вот представитель высшей советской буржуазии предлагает отменить монополию на власть коммунистической аристократии. Для того, чтобы передать ее выборным представителям буржуазии. Себе и своим приятелям», – это герой Эдуарда Лимонова рассуждает по поводу речи Евгения Евтушенко на Съезде народных депутатов («Иностранец в смутное время»). За поэтом академик Сахаров предложил убрать из Конституции все статьи, мешающие наступлению свободного рынка...

«Давно, со времен Хрущева, эти люди каждый по-своему воюют за власть», – отмечает Лимонов. И логика поступков проста: отобрать у коммунистов и передать представителям своего класса – «советской

буржуазии знания». Сам ведь Андрей Дмитриевич говорил, что в стране существует «государственный капитализм с партийно-государственной монополией». Убрать ненавистную монополию, и в сухом остатке должен остаться тот самый капитализм или некий гибрид его с элементами социализма.

Именно на примере Евтушенко и Сахарова Лимонов пишет о попытках буржуазии вернуть себе власть в стране, она «зубами и когтями рвет глотки за власть». Причем, придя к власти, этот класс будет еще более безжалостный к народу. Его цель – власть, собственность и свободный рынок, а там «будь что будет». Будет радикальный эксперимент, который переплюнет насильственную коллективизацию, а «платить за новый эксперимент будет народ». Обо всем этом Эдуард Лимонов сказал еще в 1990 году.

По поводу Сахарова он писал, что его классовое сознание горело ярко и сильно, так оно было сформировано: «Господин академик Сахаров попал еще в юности в защищенную от внешнего мира атмосферу высокооцениваемых государством ученых-вундеркиндов: в жизнь спецпоселков, специнститутов». Лимонов отмечает его твердый характер: «Однажды взбунтовавшись, он не успокоился, не вернулся на службу к партократии. Последовательный, он выражает интересы своего класса».

Наблюдая по телевизионной трансляции за церемонией похорон академика, лимоновский герой протестует против сравнения Сахарова с Ганди и Львом Толстым. По его мнению, «Сахаров был бы врагом Ганди», ведь в своей деятельности он был полной противоположностью: добивался разрушения «советского многонационального государства», был последовательным «сторонником одностороннего разоружения Советского Союза». Сахаровская деятельность была «антинародной» и «направлена на разрушение сложившегося при коммунистическом абсолютизме относительного равенства». И все ради защиты интересов «своего класса – буржуазии».

Лимонов называет его «сумасшедшим ученым» – Франкенштейном. Тут и мотивация его была в принципе понятна: месть правящему советскому классу за то, что вынудил приложить руку к созданию бомбы. Так он искупал свою вину и свое причастие к смертоносному. Тоже форма мести.

Кстати, в семейном союзе Сахарова с Еленой Боннэр – дочерью «репрессированного в эпоху Сталина Секретаря Компартии Армении» в лимоновской книге усматривается особый символизм: «Союз третьего сословия, рвущегося к власти» и «стремящихся отомстить за отцов и дедов». Мстительность была могучей движущейся силой того времени, пробуждают ее заново и в наши дни.

Можно ли в этом аспекте говорить об Андрее Дмитриевиче как о весте нации и только лишь в превосходных степенях в силу привычки? Или он был одним из «молотков» класса советской буржуазии, которая пробивала себе дорогу к вершинам власти, которая хотела подверстать под себе всю страну, в которой невозможно жить без свободного рынка, без частной собственности... Никаких соплей, никакой романтики и утопического града Китежа, только прагматика, битва за власть и за место под солнцем. Буржуазия собрала все свои силы в кулак, который стал ельцинским молотком для грандиозного реванша.